

Гарник Серобович Асатрян

доктор филологических наук, профессор,
директор Института востоковедения РАУ
(0051, Армения, Ереван,
ул. Овсепя Эмина 123)
E-mail: garnikasatryan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Азамат Асланбекович Бетрозов

лаборант-исследователь, Научно-
исследовательский отдел «Центр
скифо-аланских исследований» ВНИЦ РАН
(363110, РСО-Алания, с. Михайловское,
ул. Вильямса, 1).
E-mail: a.betrozoff@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

**ARMENICA В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ
СЛОВАРЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА
В. И. АБАЕВА**

Аннотация. В статье делается попытка анализа армянской лексики в *Историко-этимологическом словаре осетинского языка* В. И. Абаева в плане ее релевантности к рассматриваемым автором осетинским параллелям.

Ключевые слова: арменизмы в осетинском, осетинский, армянский

Для цитирования: Асатрян Г. С. Бетрозов А. А. ARMENICA в историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаева NARTAMONGÆ. 2025. Vol. XX. С. 299–308.

Рукопись поступила в редакцию 1.11.2025

Рукопись принята к печати 11.11.2025

Garnik Serobovich Asatrian

Prof. Dr. Sc., Head of the Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian Slavonic University (0051, Armenia, Yerevan, st. Hovsep Emin 123)

E-mail: garnikasatrian@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6171-7481>

Azamat Aslanbekovich Betrozov

research assistant, Research department

“Center for Scytho-Alanic Studies”

of VSC RAS (363110, North Ossetia-Alania, Mikhailovskoe village, Williams St., 1.)

E-mail: a.betrozoff@mail.ru

<http://orcid.org/0009-0006-7450-5900>

ARMENICA IN V. I. ABAEV'S HISTORICAL-ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE OSSETIAN LANGUAGE

Abstract. The article examines the Armenian lexical units included in V. I. Abaev's *Etymological Dictionary of Ossetic* in terms of their relevancy to the Ossetic parallels discussed by the author in the respective lemmas.

Keywords: Armenisms in Ossetic, Ossetic, Armenian

For citation: Asatrian G. S., Betrozov A. A. Armenica in V. I. Abaev's Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language, NARTAMONGÆ, 2025, Vol. XX. P. 299–308.

Received on 01.11.2025

Accepted on 11.11.2025

Общее

Языковые совпадения и параллели между армянским и осетинским языками имеют относительно недолгую историю изучения. В научной литературе по индоевропейской компаративистике данная проблема рассматривалась лишь спорадически в связи с другими вопросами. Наиболее последовательно *Armeno-Iranica (Alanica-Ossetica)* представлена в работах Г. В. Бэйли, прежде всего в его хотаносакском словаре (Bailey 1979). Однако, первая попытка системного рассмотрения армяно-осетинских соответствий принадлежат В. И. Абаеву. Труды по данной теме были написаны им

в 1970 и в 1978 годах (Абаев 1995). Далее, эту проблематику специальной публикацией затронул К. Х. Шмидт (Schmidt 1974), в которой автор, отталкиваясь от абаевского тезиса о том, что “армянский и осетинский могут быть предметом сравнительного или сопоставительного изучения не только в аспекте их общеиндоевропейской основы, но и в плане их общего субстрата”, обсуждает проблему возможных субстратов этих языков, в грамматическом, фонетическом и частично синтаксическом планах, скорее, в типологическом ключе, но типологические параллели между армянским и осетинским на фоне сравнения с грузинским и тюркским были рассмотрены еще раньше норвежским ученым Хансом Фогтом (см. работы автора по этой тематике в обобщающем сборнике Vogt 1988).

Возвращаясь к В. И. Абаеву, тем не менее, следует отметить, что армянские материалы в парадигме осетинской исторической лексикологии всегда были объектами пристального его внимания, начиная с ранних работ и, по сути, в наиболее полном объеме отражены в его *tagmit opus*, *Историко-этимологическом словаре осетинского языка*. По сути, изданием этой работы, В. И. Абаев создал не только исчерпывающий лексический корпус осетинского языка, но и привлек большое количество армянских лексем, в той или иной степени имеющих отношение к соответствующим осетинским формам.

Тем не менее, армянский материал, использованный В. И. Абаевым, отражает как авторское понимание армянской фонетики (в частности, представление о наличии абруптивных согласных, которых на самом деле нет: абруптивы могут быть замечены, и то спорадически, лишь в тифлисском диалекте армянского), так и устаревшие подходы, основанные на филологических данных начала XX века. Очевидно, что этот пласт материала нуждается в серьезной ревизии, исходя из новых достижений в компаративистике.

Аналогичную по замыслу работу провёл профессор Адриано Росси, проанализировав белуджский материал в словаре В. И. Абаева (см. Rossi 1998). В частности, Росси отмечал, что словарь Василия Ивановича, вошедший в себя новейшие достижения иранистики своего времени, долгое время оставался единственным иранским этимологическим словарём вплоть до публикации хотанского словаря Бейли (см. Bailey 1979), не считая, разумеется, устаревший этимологический словарь персидского Паула Хорна (см. Horn 1893).

Лексика

— Осет. *æmyr* | *æmir*, *imir* “плотный, плотно закрытый” — В. А. Абаев (ИЭСОЯ I: 148) считает происхождение данного слова “не ясным”,

между тем, можно было как возможную параллель или предполагаемый источник упомянуть арм. *atur* “крепкий, плотный”. Это слово засвидетельствовано в армянском с V века, т.е. с зарождения армянской письменности. Оно не имеет установленной этимологии. Скорее всего, здесь мы имеем дело со случаем раннего армянского заимствования в аланском. Ряд таких случаев уже описаны нами и выделены в отдельную категорию арменизмов в осетинском (Асатрян/Бетров 2024: 252–254).

— **Осет. *ænzug* | *ænzug*** “скорченный, сведенный (от холода и пр.)” — В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 159) считает происхождение данного слова “не ясным”, однако позднее М. Шварц вполне правомерно сравнил его с хорезм. *anǰōy* “морщина”, восходящим к др.-иран. **han-čauka-* (ср. Schwartz 1970: 296).

— **Осет. *ængūz* | *ængoza*** “грецкий орех”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 160–161) приводит ближайшие связи, среди которых арм. *əngoʏz*, *ənkoyz*, груз. *nigozi* и пишет, что начальное *n-* (ос. *æn-*, и арм. *ən-*, груз. *ni-*) представляет наращение, возникшее на кавказской почве. На самом же деле арм. *ənkoyz* восходит к более ранней форме **ankoyz* < ср.-иран. **hangōz* (редуцирование *-a-* в *-ə-* обусловлено преакцентной позицией гласного в армянском: **hangóʒ*), а последнее — из иран. **han-gauza*. Из этого следует, что осет. *ængūz* | *ængoza* и арм. *ənkoyz* восходят к единой праформе, а начальное *n-* в них — не кавказское наращение, а является закономерным развитием иранского преверба **han-* или **ham-*. Что касается груз. *nigozi*, то оно идет из ср.-иран. **ni-gōz* < **ni-gauza-*, с превербом **ni-* (Асатрян/Бетров, ук. соч.: 254).

— **Осет. *bælon* | *bælæw*** “голубь домашний” — Василий Иванович (ИЭСОЯ I: 249) предполагает, что слово, правда индоевропейское, но мало распространенное. Между тем, как отмечает польский исследователь Кшиштоф Витчак (Witczak 1999: 176), осетинское слово входит в парадигму родственных форм в индоевропейском, арм. *alawni* “голубь”, лит. *balañdis* “тж.” и восходит к и.-е. **bhalon-ijo-*. Сюда следует добавить и заа *baurān* “тж.”, не имеющего доселе установленной этимологии (см. Asatryan 1995).

— **Осет. *bæġæmsar* | *bæġænsar*** “с непокрытой головой” (ИЭСОЯ I: 246) — Василий Иванович возводит данное слово через **bæġnæ-sar* к др.-иран. **magna-sāra-*. В свою очередь осет. *bæġnæg* “голый, нагой” автор объясняет из иранского **magna-ka-*, которое отражает общеарийское **nagna-*, но, при этом, он не упоминает армянскую параллель ни с первым, ни со вторым осетинскими словами.

В армянском же языке засвидетельствован хороший пример иранского композита в данном значении, а именно имя собственное *Mangasar*

(Մանգաշիւր), которое восходит к ср.-иран. **magna-sar*, с метатезой *-gn > -ng*, а последнее в свою очередь восходит к др.-иран. **magna-sāra*. По нашему мнению, др.-иранское **magna-sāra-*, которое мы восстанавливаем на основе осетинского *bæġæmsar* | *bæġænsar* и армянского *Mangasar* (Մանգաշիւր), принадлежало, возможно, к числу имен берегов, но тем не менее оно могло быть также характеристикой, которое обозначает “смелый, отважный” в том смысле, что человек, шел в бой с непокрытой головой. В любом случае, наличие армянского *Mangasar* (Մանգաշիւր), четко указывает на то, что осетинский композит *bæġæmsar* | *bæġænsar* “с непокрытой головой” — наследие др.-иран. периода.

Имя же *Mangasar* (Մանգաշիւր) в армянской письменности засвидетельствовано с XIV века в среднеармянском языке. Данное слово пишется и через *-k* *Mankasar* (Մանկաշիւր). Армянский лингвист, лексикограф, этимолог и филолог Грация Ачарян (Հրաչյա Աճառյան) в своем словаре армянских имен собственных (Հայոց անձնանունների բառարան) объясняет это имя, как сложное слово, состоящее из армянского *manuk* (մանուկ) “ребенок, дитя” и персидского *sar* (سر) “голова”. В целом он переводит имя, как “глава детей, учитель детей”, что, скорее всего, не верно, хотя бы потому что персидское употребление слова *sar* (سر) в подобном сочетании с чистой армянской лексемой в высшей степени маловероятно (Асҟақеаn 1942: 202).

— **Осет. *bælvurd* | *bælvurd*** “действительно, достоверно” — В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 249) относит слово к тюркским заимствованиям, как бы относящимся к периоду ранних осетино(алано)-тюркских сношений. Бэйли же (Bailey 1970: 22-24) считает слово родственным грузинскому *varaurd* “предположение, расчет и т. д.” и армянскому *varavurd* “тж.”, выводя всю эту группу из др.-иран. **vara-vurta-* (корень **var-*). На самом деле, ни предположение В. И. Абаева и ни, тем более, рассуждения Бэйли не соответствуют истине: тут мы имеем простую разговорную форму современного персидского *bar-āva/u/ord*, т. е. “предположения, оценка, рассмотрение и т. д.” (*bar-āvard kardan*, т.е. “рассмотреть, подробно изучать, глубоко проникать в суть проблемы”). Слово, скорее всего, из армянского проникло в грузинский, а из грузинского в осетинский.

— **Осет. *bodaen*** “чеснок” — (ИЭСОЯ I: 264) автор правомерно возводит к иран. **baudana-*. Нужно добавить для сравнения перс. *pūne* / *pūna*, *pūdāna* “мята” < **bōdēnag* “пахнувший” (др.-иран. **baud-*); ср. согд. *βwδβrñ* / *βōδβarn*, арм. *բուրբառ* / *burvar* “кадило” (< **baudi-barana-*).

— **Осет. *būlk*’ | *bolgæ*** “редька”. В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 270) выводит из груз. *boloki* “тж.”. Тем не менее, более вероятно заимствование в древний период из арм. *bolik* “редька, редиска”, имеющего хорошую и.-е. этимологию, из **bhol-* с расширением *-k-* (ср. греч. *júllon*, лат. *folium*) (см. НАВ I:

465; Jahukyan 2010: 134; Martirosyan 2010: 181-182). Грузинская форма заимствована из армянского. Это слово мы тоже включили в категорию аланского наследия осетинских арменизмов. (Асатрян/Бетров, ук. соч.: 252).

— **Осет.** *būmbūli* | *bomboli*, *bunbuli* “пух” — В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 270) считает заимствованием из груз. *bumbuli*; следует сюда добавить и арм. диал. *bāmbul* “тж.”.

— **Осет.** *cægat* “северный склон горы; тыльная сторона ножа, топора и пр.; дом родителей для замужней женщины” — В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 296) говорит о звуковом сходстве с рядом иранских языков. Сюда можно добавить и арм. *čakat* “лоб, фронт”, которое само заимствовано из ср.-перс. *čakāt* “вершина горы”, ср. талышское *čakūda* “тж.”, перс. диал. *čyā* “гора”, курд. *čyā* “тж.”. Др.-иран. форма восстанавливается как **čakāta*.

— **Осет.** *cævun* | *cævun* “бить, ударять” — Василий Иванович (ИЭСОЯ I: 306-307) сближает с некоторыми иранскими и неиранскими формами. Также он пишет, что это одно из тех слов, которые приходится рассматривать не в аспекте внутрииранской сравнительной лексикологии, а в плане территориально-географических изоглосс, охватывающих несколько языковых групп, при этом он не упоминает арм. *cap*’, что значит “хлопанье в ладоши”, но приводит согд. *čaβ-*: *čaft-* “красть” (< др.-иран. **tarp-*), что никак сюда не относится.

— **Осет.** *cyrāḡ* | *ciraḡ* “лучина, свеча, лампа” (ИЭСОЯ I: 323–324) — сюда добавить и арм. *črag* “светильник”; слово, несомненно, иранского происхождения, хотя и Абаев считает его переднеазиатским термином.

— **Осет.** *daḡ* “складка” (ИЭСОЯ I: 341-342) — сюда можно добавить и арм. *tak* “низ, под; складка”, термин иранского происхождения (Hübschmann 1887: 250–251).

— Перед леммой *zængæda* “болтовня” (ИЭСОЯ I: 394) следует вставить *zændæel* “вялый”, что отсутствует в словаре. Это слово интересно тем, что можно сопоставить с арм. диал. *dandal* (*dandaloš*) “вялый, медлительный, дряблый” — оба явно звукосемантического происхождения.

— **Осет.** *dængæel* “раздувшийся, распухший” — В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 356) не приводит армянскую параллель: ср. арм. *dangal*, *dangalax* “дубина”, также “дурак, глупый”.

— **Осет.** *fynḡ* | *fingæ* “стол” (ИЭСОЯ I: 497-498) — арм. *p’nak*’ исправить на *pṇak*.

— **Осет.** *gon*, *gom* “закром, амбар” — В. И. Абаев (ИЭСОЯ I: 523–524) приводит соответствия из соседних языков (адыг. *kon*, груз. *gomi*, *gomuri*) и предполагает, что в данном случае мы имеем дело с региональной лексемой. Однако, он не упоминает арм. *gom* “овчарня, хлев”, засвидетельство-

ванного в классическом армянском с V века и имеющего хорошую и.-е. этимологию, из и.-е. **ghom-*, ср. датское *gamme* “овчарня”, швед. диал. *gamme* “ясли” (Pokorný 1959–1969: 452; Olsen 1999: 198; Kroonen 2013: 166). Это можно считать своего рода армяно-германской изоглоссой. Вероятнее всего, мы тут имеем еще один случай раннего арменизма из аланского лексического наследия осетинского (см. Асатрян/Бетров, ук. соч.: 252–254). Грузинские формы, разумеется, заимствованы из армянского, а адыг. *kon* однозначно восходит к осетинскому.

— **Осет. *gulu*** “безрогий, с обломанными рогами” (ИЭСОЯ I: 526) — Василий Иванович сравнивает с элементами *kul*, *gul* в названиях телесных недостатков. Сюда можно было привести и курдское *kul* “комолый”, возможно, из иран. **kṛdu-*.

— **Осет. *ğəla*** “глупый, полоумный, дуралей” (ИЭСОЯ I: 534) — Абаев пишет о возможной связи с согд. **yərak(yyrk)* “глупый” и сравнивает с перс. *gōl*. Однако, согдийская форма должна быть *γyr'(')ak* / *xīrē*, ср. хорезм. *xur'w* / *xīrāw* “глупый”, хот.-сак. *khīraa-* “грустный, опечаленный”; сюда же ягноб. *xīra*, а также, возможно, перс. *xīra* “темный, сумрачный”. Что касается персидского термина, то верно будет *gūl* (а не *gōl*) и оно означает “тупой” (о ноже), а не “глупый” (см. также Bailey 1979: 74–75).

— **Осет. *k'yr* | *k'iræ*** “известь”, (ИЭСОЯ I: 652), Василий Иванович пишет, что это общекавказское слово, которое вероятно вошло из семитического через груз. *ķiri* “тж.”. Следует, однако, добавить, что последнее идет из арм. *kir* “тж.”, а не из грузинского; слово, на самом деле, действительно, семитского (ср. араб. *gīr* “известь”) происхождения (Hübschmann 1897: 172; НАВ II: 593).

— **Осет. *maç'oni*** “кислое молоко, мацун” (ИЭСОЯ II: 62) — автор возводит к груз. *maçoni* “тж.” < арм. *maçin*. Мы же можем добавить, что арм. слово безупречной и.-е. этимологии (см. Hübschmann 1897: 471–472; НАВ III: 228–229).

— **Осет. *miğ* | *meğæ*** “облако, туча, туман” (ИЭСОЯ II: 117) — Абаев возводит к **maiga-*, и.е. **meigho-* (арио-армено-греко-славо-балтийская изоглосса), при этом он, непонятно почему, считает арм. *mēg* “туман, туча” не заимствованием из иранского, что в корне не правильно: оно однозначно идет из иранского.

— **Осет. *p'ep'ela*** “бабочка” (ИЭСОЯ II: 250) — разумеется, звуко-символической природы, но следует сюда добавить и арм. *p'lp'lak* “тж.”.

— **Осет. *tīw* | *tew*** “брат мужа, деверь” (ИЭСОЯ III: 296–297) — хорошее и.-е. слово, широко представленное и в иранском. Арм. параллель, приведенная автором, *t'aigr*, должна быть исправлена на *taigr*.

— Осет. *tymbyl* | *tumbul* “круглый, круглая масса чего-либо” (ИЭСОЯ III: 331–335) — добавить сюда арм. диал. *təmbəl(ik)* “пухлый, толстый”: явный идеофон.

— Осет. *wær* “барашек, ягненок” (ИЭСОЯ IV: 87–88) — арм. параллель *wriy*, приведенная Абаевым, на самом деле ghost-word: в армянском языке такого слова нет.

— Осет. *xomys* “название кушанья, комок липкого теста” (ИЭСОЯ IV: 213) — Абаев пишет, что данное слово производное от *xom* “сырой” с помощью форманта *-ys* (*-iša-* или *-uša*). Также он отмечает, что этимологически и по значению оно сближается с памирским ваханским *yūmj* “мука”, из **āmači-* от **āma-* “сырой”. Автор упоминает параллель с перс. *xāmīz*, ср.-перс. *h’mus/xāmīč* и армянским словом *amič* (ափիճ) “сырое мясо в уксусе”. В целом, Василий Иванович верно описывает лексическое гнездо в ср.-иранском, возводя осет. *xomys* в конечном счете к ср.-иран. праформе, приводя сравнение с армянским словом *amič* (ափիճ).

Тем не менее, думать, что осетинское слово есть продолжение некоей иранской праформы, давшей в ср.-перс. *h’mus/xāmīč*, а также *xāmīz* в персидском и *amič* (ափիճ) в армянском, не следует, ибо в этом случае в осетинском мы имели бы **omīc* или **amic* (на примере осетинского *k’abic* “название меры сыпучих тел”, арм. *kapič*, ср.-перс. *kapīč*, др.-перс. *καπίδη*). То, что суффикс первоначально имел *-īč*, показывает нам ср.-перс. и арм. параллели. Однозначно, что слово заимствованно, но мы думаем, что оно, скорее, восходит к арабскому *أمص* [*āmiṣ*] (см. Ačaṙean 1942: 156), которое в свою очередь идет из среднеиранского. Начальное *-x* в осетинской форме, вероятнее всего, возникло под влиянием *xom* “сырой”.

— Осет. *zægael* “гвоздь” (ИЭСОЯ IV: 291–292) — автор объясняет данное слово как суффиксальное образование с *zæg* и уменьшительным суффиксом *-ael*, приводя армянскую параллель *sak* (ծակ) “верхушка, пик”. Однако, арм. слово означает “дырка”, а не “верхушка, пик” и, скорее всего, соотносимо с осетинским *sæg* “звено, кольцо”. В лемме, посвященной последнему слову (ИЭСОЯ I: 295), автор не указывает армянскую параллель и воздерживается от конкретной этимологии осетинского *sæg*, довольствуясь лишь упоминанием ряда возможных параллелей из кавказских и финоугорских языков: вейнах. *čug*, черк. *č’ūk’*, балк. *čək* и т. д.

Судя по всему, осетинское *sæg* и армянское *sak* (ծակ) не имеют и.-е. этимологии, т.е. невозможно их объяснить на и.-е. уровне. Г. Ачарян (Ačaṙean 1942: 437) никаких объяснений для армянского слова *sak* (ծակ) не дает. Оно при этом засвидетельствовано с момента зарождения армянской письменности в V веке, отмечено также и в переводе Библии и в других классических текстах. Арм. *sak* (ծակ) и сегодня имеет широкое употребле-

ние как в стандартном литературном языке, так и в диалектах. У этого слова в армянском большие деривационные возможности, например, образование деноминативного глагола *sakel* (ծաղկել) “колоть, прокалывать, продырывать”.

Мы же думаем, что данное армянское слово больше всего подходит для сравнения с осетинским *sæg*. Хотя бы в отдаленном значении чисто семантически “дырка” и “кольцо” очень близки. Предложить конкретную этимологию невозможно, ибо эти слова являются наследиями субстратного языка или языков, которые составили основы как для осетинского, так и для армянского языков.

— Осет. *zyġar* | *zæġar*, *zæġar* “имеющий белое пятно на лбу” (о животных) (ИЭСОЯ IV: 318–319) — в целом автор объясняет слово как звуко-символическое, имеющее параллели в кавказских языках и в качестве аналогичной формы в арм. указывает на *čaġat* “лысый”.

Между тем, настоящая армянская параллель осетинского слова *zyġar* | *zæġar*, *zæġar*, это — *čalar* (ծաղար) (тоже диалектное слово), обозначающее “имеющий некий изъян на коже, типа пятно, плешь”. Оно действительно может быть кавказского происхождения, как осет. *zyġar*, чеч., инг. *žug̃ar*, *žoġara*, табас. *žig̃ari* и т. д. Что касается арм. *čaġat* (ծաղատ), отмеченное В. И. Абаевым, то оно несомненно восходит к классическому новоперсидскому *čakād* (چکاد) “вершина горы”. Глухой *-t* и фрикативное *-l* в армянской форме, являются несомненно контаминацией класс. арм. *čakat* (ծաղատ) “лоб”, что является заимствованием из ср.-перс. *čakāt* (перс. چکاد) и перс. диал. *čayād*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев, В. И. “Armeno-Ossetica”, Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание, т. 2, Владикавказ, 1995.

Асатрян, Г. С., Бетров А. А. “Арменизмы в осетинском”, NARTAMONGÆ, Vol. XIX, Владикавказ: 247–257, 2024.

ИЭСОЯ I–V — Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, тт. I–V, Москва-Ленинград, 1958–1995.

Ačařean, H. Նայոս՝ anjnanunneri bařaran, Erevan, 1942.

Asatrian, G. S. “DIMLI,” Encyclopædia Iranica, VI/4, pp. 405–411, 1995, available online at <http://www.iranicaonline.org/articles/dimli> (accessed on 30 December 2012), дата обращения 23.09.2025.

Bailey, H. W. “A Range of Iranica”, W. B. Henning Memorial Volume, M. Boys and I. Gershevitch (eds.), London: 20–36, 1970.

- Bailey, H. W. Dictionary of Khotan Saka, London-New York-Melbourne, 1979.
- HAB I–IV — Ačaṙean, H. Hayerēn armatakan baṙaran, vols. I–IV, Erevan, 1971–1979.
- Horn, P. Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1983.
- Hübschmann, H. Armenische Grammatik, Leipzig, 1897.
- Jahukyan, G. Hayeren stugabanakan baṙaran, Erevan, 2010.
- Kroonen, G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic, Leiden-Boston, 2013.
- Martirosyan, H. Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon, Leiden-Boston, 2010.
- Olsen, B. A. The Noun in Biblical Armenian. Origin and Word-Formation, Berlin-New York, 1999.
- Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern und München, 1959–1969.
- Rossi, A. V. “Ossetic and Balochi in V. I. Abaev’s Slovar’”, *Studia iranica et alanica*. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovic Abaev on the Occasion of His 95th Birthday, Rome: 373–431, 1998.
- Schwartz, M. “On the vocabulary of the Khwarezmian Muqaddimatu l’Adab”, *ZDMG*, № 20: 288–304, 1970.
- Schmidt, K. H. “Ossetisch und Armenisch”, *Antiquitates Indogermanicae*. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker, Gedenkschrift für H. Güntert, Innsbruck: 391–397, 1974.
- Vogt, H. *Linguistique caucasienne et arménienne*, Oslo, 1988.
- Witczak, K. “Studies in Armenian Etymology (1–30)”, *Studia Etymologica Cracoviensia*, 4: 173–190, 1999.

REFERENCES

- Abaev, V. I. “Armeno-Ossetica.” *Selected Works. General and Comparative Linguistics*, Vol. 2. Vladikavkaz, 1995. (in Russian)
- Asatryan, G. S., Betrozov, A. A. “Armenisms in the Ossetian Language.” *NARTAMONGÆ*, Vol. XIX, Vladikavkaz, pp. 247–257, 2024. (in Russian)
- Abaev, V. I. *Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language*, Vols. I–V. Moscow–Leningrad, 1958–1995. (in Russian)